

Home

Archive

Получать уведомления

rebelzine

КОРЕЯ.

ПОЧЕМУ?

Олег Торбасов, о странных деформациях
КНДР и их прозаичных корнях.

REBEL

То, что северокорейский коммунизм (понимаемый, естественно, как политическое течение) деформирован, сомнению не подлежит. Как нету кошки без блошки, так не бывает и не деформированного рабочего государства. По меньшей мере, история таких примеров не сохранила. Многие левые энтузиасты любят с плохо скрываемой готовностью списывать все проблемы на культурную и экономическую отсталость совершавших революции (с социалистической перспективой) наций, не задаваясь тем неприятным вопросом, не сыграло ли в неуспехе наций более продвинутых решающую роль именно их закономерно привилегированное положение, так что они не добились даже шанса продемонстрировать деформации, возможно, ещё более ужасающие (намёк на что содержится в присвоении части социалистических устремлений бесконечно враждебными коммунизму национал-социализмом и соучаствовавшей во множестве военных агрессий социал-демократией).

Однако же, в Корейской народно-демократической республике буржуазные, бюрократические и патриархальные деформации коммунизма продемонстрированы на практике. Не будем сейчас разбираться в том, насколько они велики в количественном и качественном отношении. Важно, что они есть и представляют собой значительный вызов по всему свету, ибо люди, сталкивающиеся с отголосками северокорейского опыта, если только не являются достаточно консервативными или склонными к идеологической слепонемоте, либо проникаются неприязнью к левой идее, либо эволюционируют в духе постмодернизма, отказывая фактам в их действительном значении.

Между тем, если мы вспомним призыв классиков рассматривать все явления диалектически, то есть во взаимосвязи и в развитии, ниточка этого опыта вытянет полный невод крупных исторических событий регионального масштаба. Ведь Корея — сравнительно маленькая страна в окружении гигантов — Китая, России/СССР, Японии, США, — которые долго и активно топтались непосредственно по её территории. А это значит, что внешние факторы сыграли в её истории не в пример большую роль, чем у нас. Здесь я не буду делать окончательных выводов, а лишь выскажу ряд соображений о том, что же повлияло на северокорейских коммунистов столь неблагоприятным образом.

Во-первых, 35-летняя японская оккупация не могла не привести к серьёзнейшему ущемлению корейских национальных чувств и развитию всех форм национализма, включая и самые реакционные, что живо ощущается до сих пор не только на Севере страны (доходя до вульгарного расизма: «Была в 2006 г. даже перепалка на военных переговорах, когда северокорейский генерал попенял южному на то, что в ЮК появилось много смешанных детей из-за ввоза в Корею иностранных жён. <...> Южнокорейский генерал ответил в том духе, что эта расово чуждая кровь — лишь капля туши в чистых водах Хангана... Северянин ответил, что даже капле иностранной крови Ханган портить нельзя»), но и на Юге:

«...В современной Южной Корее создалась ситуация, когда национализм является неизбежным составляющим любого „идеологического пакета“. При всех разногласиях, и корейские левые, и корейские правые, и корейские центристы являются националистами, причем националистами, по европейским меркам, весьма и весьма радикальными. Это не означает, что в Корее совсем нет критиков националистического дискурса. Они есть, но представляют они только самих себя»

Во-вторых, сразу после освобождения корейцам доходчиво продемонстрировали иллюзорность демократии:

«...В конце 1945 г. американцы на Юге разогнали местные органы самоуправления, в которых к тому времени преобладали левые, и приступили к созданию административных структур, которые находились под твёрдым контролем правых сил. На Севере советская администрация пошла по несколько иному пути: сами органы самоуправления (впоследствии названные „народными комитетами“) были сохранены, но из их состава были удалены представители правых»

В общем-то, после этого странно удивляться диктаторским замашкам Ким Ир Сена, тем более, что он вовсе не перецеголял Ли Сын Мана, пример коего вряд ли мог оказать благотворное воздействие:

«Когда в 1952 г. парламент отказался принять поправки к конституции, которые бы позволили Ли оставаться президентом на следующий срок, он арестовал наиболее активных оппозиционеров по обвинению в „пособничестве коммунизму“. В 1958 г. как „агент Пхеньяна“ был арестован и казнён Чо Бон-ам, представитель умеренно левых сил, который на выборах 1956 г. составил серьёзную конкуренцию Ли Сын Ману и воспринимался диктатором как самый опасный соперник (как было признано впоследствии, обвинения против Чо Бон-ама были полностью сфабрикованы)»

В-третьих, весьма травмирующим фактором оказалась война 1950—1953 гг., в которую всех втравил воинственный, но не слишком дальновидный Ким Ир Сен:

«С 1948 г. Ким Ир Сен упорно добивался от Сталина разрешения на операцию по вооружённому освобождению Юга. Сталин, опасаясь того, что конфликт в Корее может привести к мировой войне, такого разрешения не давал, но в январе 1950 г., под влиянием победы коммунистов в Китае и успешной разработки ядерного орудия в СССР, Сталин согласился.

Ким Ир Сен заверял Сталина, что кампания завершится за несколько недель: непопулярный режим Ли Сын Мана будет легко свергнут. В действительности война, начавшаяся 25 июня 1950 г., приняла иной оборот»

Вмешались США и за дурной энтузиазм Ким Ир Сена пришлось отвечать Мао Цзэду жизнью своего сына Мао Аньина (а своего сына, Ким, кстати, эвакуировал в Китай). Нетрудно предположить, что утрата единственного дееспособного сына (не считая инвалида Мао Аньцина) имела далеко идущие последствия для нервного состояния Великого Кормчего. Кто знает, не сыграло ли это событие роль в его последующих кадровых ошибках и недоработках, приведших в конце концов к поражению Культурной революции? Во всяком случае, девять лет спустя Мао проговорился на Лушаньском совещании: «Будет ли тот, кто придумал погребальных кукол, лишён потомства? У меня нет потомства (один сын убит, другой сошёл с ума)». Ну а огромный кадровый, экономический, внешнеполитический ущерб Китая в этой войне вообще бесспорен.

Но вернёмся к Корее. Можно ли уверенно утверждать, что режим Ким Ир Сена, честно возобладавший на всей территории Кореи развивался бы дальше так же и пришёл бы к тому же, как и в реальной истории? Нельзя. Возможности проверить это у нас уже нет. Корейская нация была насильственно расчленена империалистами под прикрытием ООН, так что условия северокорейского эксперимента стали ещё более ненормальными.

«С 1965 г. КНДР стала проводить политику лавирования между Москвой и Пекином. Пхеньян играл на их противоречиях таким образом, что с одной стороны имеет возможность проводить независимый политический курс, а с другой — делать это так, ни Москва, ни Пекин не прекратили предоставления жизненно важной для КНДР экономической и военной помощи»

С политической точки зрения это было рациональным выбором, но в идеологическом (и, если угодно, моральном) отношении подействовало крайне разлагающе:

«При этом сам факт получения такой помощи замалчивался, пропаганда подчёркивала, что Северная Корея развивается исключительно своими силами.

Руководство Северной Кореи заявило о том, что Ким Ир Сенем была создана новая идеология, Идеи Чучхе, которая наиболее полно отражает потребности нашей эпохи и в силу этого имеет всемирно-историческое значение»

В пятых, двадцать лет спустя ревизионистское перерождение претерпел и Китай. К власти там пришла националистическая пена антияпонской войны. Эти прагматики уже не имели настоящего интереса в КНДР и уж тем более не склонны были способствовать её гипотетическому полевению. А ещё десять лет спустя (это уже в шестых) в разваливающемся Советском Союзе возобладала идеология, открыто враждебная как ещё сохраняемым Ким Ир Сенем левым языковым структурам, так и нерыночной, патерналистской системе его власти. Северная Корея лишилась не только левой поддержки извне, но вообще сколько-нибудь серьёзной, искренней поддержки.

«Крах социалистического содружества и распад СССР стали для северокорейской экономики тяжёлым ударом. И раньше отношения между Москвой и Пхеньяном не отличались излишней сердечностью, но стратегические соображения заставляли забывать о неприязни. Однако окончание Холодной войны означало, что Россия перестала считать КНДР своим идеологическим союзником»

В итоге мы наблюдаем режим, оставшийся почти только лишь со сверхидеей самосохранения. Принимая во внимание изложенные обстоятельства, можно удивиться тому, что изначально лево-революционное движение не было деформировано ещё гораздо в большей степени и сохраняет какие-то следы социализма (об их значимости можно поспорить отдельно — лично я полагаю, что они качественно незначительны,— но они есть).

ОЛЕГ ТОРБАСОВ

ИЮЛ. 16 2015 2 ЗАМЕТКИ

Notes